

УДК 82-1(470.345)

С.П. Гудкова

Основные тенденции развития современной русской поэзии Мордовии

Аннотация. В статье анализируются особенности развития современного поэтического процесса Мордовии. На примере творчества К. Смородина, А. Громыхина, А. Шаронова и др. поэтов республики выявляются репрезентативные жанровые формы, специфика творческого метода, художественные особенности поэтических текстов. В ходе исследования автор приходит к выводу о тяготении поэтов рубежа XX - XXI веков к крупным жанровым формам (лирическому циклу, книге стихов). В работе делается акцент на особенностях архитектоники таких поэтических текстов, подчеркивается тяготение современных авторов к единству мотивного комплекса, сюжетно-тематических линий; к присутствию в тексте сквозных мотивов и образов, что позволяет говорить о масштабности поэтического мировидения современного поэта.

Ключевые слова: современная поэзия, крупные жанровые формы, метажанр, лирический цикл, книга стихов, мотивный комплекс.

S.P. Gudkova

Main development trends of the modern Russian poetry of Mordovia

Abstract. The article analyzes the characteristics of development of modern poetic process in Mordovia. On the example of creativity K. Smorodina, A. Gromykhina, A. Sharonova and other poets of the Mordovian Republic identified representative genre form, the specific of the creative method, artistic peculiarities of poetry texts. During the research the author comes to the conclusion about the gravity poets of the turn of XX-XXI centuries to a major genre forms (lyrical cycle, a book of poems). The work focuses on the peculiarities of the architectonics of these poetic texts, emphasized the tendency of contemporary writes to the unity of the motivic complex, thematic lines; to the presence in the text crosscutting motives and images, which suggests about the magnitude of the poetic vision of the world of the modern poet.

Keywords: modern poetry, the major genre forms, metagenre, lyrical cycle, a book of poems, motivic complex.

Современная русская поэзия Мордовии представлена многообразием жанров, богатством художественных стилей, палитрой авторских индивидуальностей. В ней происходит интенсивный процесс обновления традиционных жанровых форм, широкий межнациональный диалог художественных традиций. Современное состояние русской поэзии Мордовии настолько отличается от уровня, достигнутого в предшествующий период, что можно с полным основанием говорить о качественно новом этапе его развития. Он характеризуется новой идейно-эстетической ориентацией, связанной с такими тенденциями в становлении, как усиление личностного начала, расширение сферы лирического вы-

ражения, внутренних границ поэзии, тяга к философичности, поиск новых экспериментальных форм и способов выражения [1, 520]. Современная русская поэзия Мордовии интересна прежде всего тем, что, с одной стороны, она развивается в тесной связи с общими тенденциями отечественной поэзии, с другой, – ориентируется на национальную культуру мордовского народа. В творчестве поэтов Мордовии, особенно старшего поколения (В. Гадаева, В. Егорова, Э. Симдяновой, Б. Соколова, А. Терентьева, В. Юдиной, В. Юшкина, и др.) очевидно обращение к мордовским мотивам: введение образов исторических личностей, традиций, культуры, быта, лексики мордвы. Доказательным является тот

факт, что многочисленные и разноплановые следы мордовского влияния выступают в их творчестве не случайными экзотическими вкраплениями, а целостной системой приемов, направленных на обеспечение органичного существования в русской событийно-языковой художественной стихии национального, мордовского героя. Обращаясь к культуре мордовского народа, деталям быта, специфике пейзажа, лексическим ресурсам, поэты создают образ героя, отражающего основные идеи национальной мифологии, главной из которых выступает утверждение мордовского народа как самобытного этноса [2].

Русские поэты Мордовии, расцвет творчества которых пришелся на рубеж XX – XXI веков (А. Шаронов, А. Громыкин, Н. Васильев, К. Смородин, А. Смородина, Н. Рузанкина, С. Сеничев, С. Кознов, В. Мишкин, П. Громов и др.), большее внимание обращают не только на особенности внутренних переживаний лирического героя, но и на архитектуру поэтического текста. Им интересны разного рода поэтические эксперименты, литературная игра, диалог с классическим наследием, художественный синтез жанровых форм, визуализация стиха. В своем творчестве они активно используют крупные поэтические формы [3, 3-10].

Следует отметить, что в современной поэзии Мордовии лирический цикл, наряду с книгой стихов, становится одним из наиболее популярных типов организации поэтических текстов. Отличаясь от других поэтических жанров и литературных контекстов, прежде всего, в композиционно-структурном отношении (больше отдельного стихотворения, меньше книги стихов, более свободный, чем поэма и т. д.), лирический цикл может репрезентировать основную идею поэтического сборника, художественный стиль поэта и его воззрения на определенном этапе творческого пути, а также представлять концептуальность авторского взгляда в том или ином поэтическом журнале, антологии, коллективном сборнике.

Например, наиболее яркому звучанию основной поэтической идеи сборника стихов К. Смородина «Сумрак сосен, свет берез» (2000) помогают лирические циклы «Провинция» и «Крымский цикл». По формальным признакам данные жанровые образования относятся к коротким циклам (от трех до пяти стихотворений) и по типу организации являются тематическими (философскими). По замыслу автора они расположены в середине сборника и скрепляют воедино его центральную тему: осмысление жизни, сущности человеческого бытия. Открывается книга стихотворениями семидесятых годов. По тональности первых строк («сонная волна прибоя», «звезд мерцание ночное», «запах чернобыльника») мы относим его поэзию к «тихой» лирике, ярким представителем которой был Н. Рубцов. Для К. Смородина характерна та же философичность осмысления своего малого пространства, малой Родины, в которой живет его лирический герой, подобно рубцовскому: «Хорошо быть спокойным и тихим / В этот сумрачный вечер, / Когда воеет протяжно и дико / Обезумевший ветер» [4, 46]. Из общего фольклорного источника берут начало и многие образы стихотворений К. Смородина. Это и «беленький оброненный платочек», и «шашка казака», и «на фоне стеклянного неба силуэт кобылицы» и т. д. Во всех явлениях природы запечатлен образ застывшего времени: будь то жаркое лето («Все застыло. / Все опаленное стоит. / И солнца желтая крапива / Обжечь всем плечи норовит») [4,16] или снежная и морозная зима («И снова мир за- тих. / И снова я сию, / Перо свое оставив, / И вижу – на стекле мой намерзает стих») [4, 22], или же осень («Улица засыпает, / будто смывает ливень / Тусклые очертанья жизни неторопливой») [4, 18]. Все это формирует определенный мотив сказочности, лубочности, векового покоя.

Иногда лирический герой желает прервать застывшее время, вырваться из однообразия текучести жизни. Этому способствует образ дороги, поезда, движения.

Но все попытки оказываются тщетными. Обыденность, суетность жизни снова и снова возвращают лирического героя из мира грез и мечты. Мотивы тоски, однообразия, обреченности звучат во многих стихах поэта, претворяясь в образы «забытых городов», «чадящих мыслей», «забытой женщины». Часто подобное лирическое настроение возникает от соприкосновения с городской цивилизацией, не дающей возможности сблизиться с природой, отдаляющей человека от его естественного начала: «Мне на миг из тьмы блеснул / Город каменной кольчугой / И серебряною вьюгой / Тотчас окна запахнул» [4, 54].

Более глубоко подобные размышления переданы в лирическом цикле «Провинция». Здесь поэт лаконично пытается представить взгляд «со стороны», взвешивает все «за» и «против» провинциальной жизни, дающей человеку глоток «живого воздуха»: «Провинция отличается от столицы / временами года. / Пусть улицы здесь тихи и низки, / Не всем полюбились дома-мешки, / И время громко стучит в виски, / И ярче видны дела и грехи / Родного народа...» [4, 80].

В данном цикле ощутимо проступает особая форма композиционной симметрии: круг с одним центром. Две первые строчки эхом повторяются в конце, замыкая рассуждения поэта («Провинция отличается от столицы временами года»). Каждое стихотворение, входящее в цикл, несет мысль о простоте, естественности, природном начале провинциального человека. Данная мысль с упорной настойчивостью усиливается от стихотворения к стихотворению. Использование яркого сравнения помогает усилить мысль поэта о различии между столицей и провинцией: «Столица отличается от провинции, / Как камень от родника... / В камень одета в Москве река, / И все же река вытекает из родника...» [4, 83]. В финальной части ведущая тема цикла находит свое логическое завершение. Поэт в духе общей лирической тональности сборника констатирует: «Пусть улицы здесь пусты и тихи, / На них сочиняет еще стихи /

Живая природа, / И в каждом полете ее строки / Зияет свобода!...» [4, 84].

Созвучное настроение лирического героя рождается и под впечатлением Крымского пейзажа. Морская гладь, небесная синь, экзотическая природа юга способствуют душевному покою, умиротворению, медитации. «Крымский цикл» также представляет собой короткий цикл. Сюда вошло шесть стихотворений, написанных с 1986 по 1993 годы. Кроме тематического единства в определении циклической природы обозначенных произведений важна и роль заголовочного комплекса. По замыслу автора, данный цикл своим единством призван подчеркнуть мимолетность красоты природы, единение, слитность человека с природным началом: «Спокойно ласковое море, / Молочно-синяя вода. / И на гряде, и на предгорье / Заката тихая страда... / Как одиноко в мире этом / Столь непонятной красоты, / Где Крым перед тобой отсветом / Иной любви, иной мечты» [4, 97].

Рефлексия героя распространяется не только на пределы собственного существования, но и на осмысление причин и следствий, на выход в культурное пространство. Лирический герой ищет соответствия с картинами русских живописцев, ощущает себя Ахиллесом, навечно спаянным с местом рождения. Продолжая ряд сопоставлений увиденного крымского пейзажа с рукотворными картинами, лирический герой ощущает себя в галерее авангардистов. Малевич, Кандинский, Филонов, Шагал, Пиросмани – но, все это чужое, чуждое его мировосприятию: «...и вспоминаются авангардисты: / Малевич, его бабы со снопами... / А в бабах явная декоративность... / Шагал шагал по пирсу с мани-мани...» [4, 102].

Книжное пространство лирического героя очерчено именами Оруэлла, Кестнера, Замятина, Солженицына, Шаламова. По мнению поэта, они врываются в читательскую аудиторию его времени, подобно девятому валу. Как любимые литературные образы предстают в книге «вечные» булгаковские герои – Мастер и Маргарита.

Лирический герой К. Смородина примеривает на себя маску Мастера и тяготеет пространством вечности, герой наделяется особым знанием: «он смысл понимает конца» [5, 51].

По мере «взросления» лирического героя (стихотворения 90-х годов) наблюдается перемена в его мировосприятии: от пантеизма к религиозности. Именно религиозность – это естественный выход из замкнутого существования. Своеобразным эпилогом исканий лирического героя становится обретение божественной истины («Она вмещается в понятие Бога, / Как си́нева в проем окна» [4, 252]).

Таким образом, в поэтическом сборнике К. Смородина происходит трансформация образа провинции, как места обитания, в образ заповедного места, через которое нужно пройти, чтобы обрести себя и веру в Бога. Представленные лирические циклы, перекликаясь с общей тональностью сборника, предают ему единое звучание.

В этом отношении определенный интерес представляет и композиционное построение поэтических сборников А. Громыхина, в частности, обращает на себя внимание сборник «Исповедуюсь тебе...» (2004), в который вошли два крупных лирических цикла: «Радуга ветра» и «Стихи о Мадонне». Отметим, что творчество автора во многом ориентировано на традиции поэзии Серебряного века. В его произведениях находят свое развитие многие мотивы и образы «младших символистов» (А. Блока, А. Белого и др.).

По типу образования – это авторские циклы исповедального, дневникового характера. Избирая форму «романтического дневника» с его акцентуемым монологомизмом, но, вместе с тем, отказываясь от принципа хроникальности, точных дат, «дневникового» биографизма, автор передает процесс душевного переживания лирического героя, перемену чувств и эмоций. Объектом поэтического осмысления становятся вечные темы: всепоглощающая любовь, преклонение перед «Прекрасной Дамой», поиск счастья и гармонии, раз-

мышления о смысле жизни. Тем самым, лирические циклы А. Громыхина оказываются созвучны с общим названием сборника «Исповедуюсь тебе...». Отсутствие же хроникальной последовательности в построении отдельных стихотворений, ярко выраженного сюжета, активно действующей лирической героини позволяют нам говорить о «монтажном» (С.М. Эйзенштейн) характере построения циклов.

Следует отметить важную смысловую функцию, которую выполняет в композиционном строении лирических циклов А. Громыхина заголовочный комплекс. Он предсказывает характер содержания, ориентирует восприятие на ту сферу действительности, которая воссоздается. Метафорическое название цикла А. Громыхина «Радуга ветра» выступает, прежде всего, в роли своеобразного стержня, объединяющего все стихотворения в единое целое. Подобное заглавие обращено к широкому ассоциативному полю и, как элемент структуры текста, выполняет важную функцию. Оно формально не связывает отдельные стихотворения, а играет роль фактора, под влиянием которого формируется некая целостность. Основная идея цикла выражается в одном из поэтических изречений автора: «Прислушаюсь вновь... / И снова услышу / РАДУГУ ВЕТРА [6, 15]». Заголовок ориентирует на общий для всего ансамбля романтический пафос и вечную тему предназначения поэта и поэзии. Следуя традициям романтиков, автор утверждает идею о божественном происхождении поэта. Лишь только избранным дано услышать дыхание жизни, уловить мимолетность счастья. Истинно счастливым человеком, по мнению поэта, является влюбленный человек. Только женская красота, улыбка могут волновать и тревожить восторженную душу лирика: «Улыбнулась девушка... / Мир просветлел... / А когда станет / Снова он черным, / Новая фея родится, / И новые будут миры» [6, 3].

В поэзии А. Громыхина без труда обнаруживается характерное блоковское противопоставление суетного «дольно-

го шума» городской жизни и Прекрасной Дамы, Таинственной Девы, образ которой часто появляется из грез, снов поэта. Современный человек целиком погружен в суету мира, он не замечает ничего, кроме самого себя, и «тоскует над собой». А в это время природа живет уже ожиданием прихода Божественной красоты. Пейзаж в поэзии А. Громыкина также таинственен и символичен: сумрак тревожно дышит в ожидании весны, причем весна у поэта – не только время года, но и символ рождения нового чувства, ощущение приближения счастья и восторга: «Сочится зелень... / Буйствует весна! / И вновь, и вновь в душе моей цунами...» [6, 19] или: «Небо нежное вновь синее / От наступающей весны... / Полюби меня чуть сильнее, / Позови в свои странные сны...» [6, 40].

Поэт часто обращается и к образу осени, позволяющему концептуально передать грусть, опустошенность мира лирического героя. Появляются многовариантные ассоциативные ряды: «осень - слезы», «осень - следы бывшего счастья». С образом «печальной осени» связан и мотив ожидания «Ее», без которой мир становится «зябким», «убогим», «тоскливым», «разломленным»: «Ты ушла... / Я шагнул за тобою, / Но развалился под старой подошвой моей / Шар земной... / Падаю в Бездну...» [6, 21].

Автор стремится передать разнообразные нюансы любовного чувства. Это и любовное томление, и радость, и разочарование, и восторженное любование женщиной, упоение ее красотой. На всем поэтическом пространстве лирического цикла настойчиво подчеркивается неземная женская красота. Поэтому одним из ключевых образов, скрепляющих разножанровые произведения цикла (сонет, лирическое стихотворение, посвящение), является образ звезды: «И восходит на небе/ КРАСИВАЯ/ словно ты, / Золотая звезда... [6, 8], «Я запомнил тебя – все черточки!/ Ты почти, как нагая звезда» [6, 40]. Используя подобные средства изобразительности, поэт передает двойственность образа ли-

рической героини. С одной стороны, это обобщенный облик Богини, с другой – облик реальной, земной «длиннокосой» девушки, с веснушками, в «ситцевом» платье. При этом поэт редко набрасывает детальный портрет любимой. В воображении лирического героя чаще всего предстают лишь какие-то ее черты. Охваченный любовным экстазом, он представляет то ее страстные губы, то «колдующие» глаза, то изгиб обнаженного тела: «Все тлен... / Есть только женские глаза, / Которые колдуют и врачуют / И где-то среди галактик / Вновь ночуют... / О опустишь, моя звезда-гюрза!» [6, 31].

Лирический сюжет строится на развитии авторской эмоции, выявлении ее оттенков, а сила поэтического чувства является объединяющим моментом стихотворений цикла в пределах единой поэтической структуры. Концептуальный пафос данного цикла заключается в демонстрации переживания события любви в разных его проявлениях, стадиях, ситуациях. Каждое отдельное стихотворение, входящее в данный цикл, взаимодействуя с другими, создает ощущение движения, процессуальности и непрерывности жизни, из которой поэт извлекает лишь фрагменты [7, 51].

Подобную композиционную конструкцию мы можем наблюдать и в другом крупном лирическом цикле А. Громыкина «Стихи о Мадонне». Любовь в цикле А. Громыкина обретает философское измерение, которое становится предметом поэтических раздумий и сюжетообразующей основой.

Таким образом, избирая жанровую форму цикла для выражения лирического «я», поэт получает возможность воссоздать в пределах одного текста авторское мировосприятие как систему. Как мы могли убедиться, главной особенностью такой системы является концентрация поэта на внутреннем переживании обретенного и потерянного чувства лирического героя. Свободные монтажные цикловые композиции, выделяемые в творчестве А. Громыкина, безусловно, демонстриру-

ют перспективный характер лирической романизации в поэтическом пространстве русской поэзии Мордовии, о чем ярко свидетельствуют и сборники стихов, вышедшие в 2014 году.

Обращает на себя внимание тот факт, что современные поэты все чаще ориентируются даже не столько на жанровые особенности лирического цикла, сколько на книгу стихов, где лирические циклы составляют отдельные главы. Сегодня следует также признать, что книга стихов в творчестве поэтов Мордовии становится одним из популярных способов, избираемых поэтом для диалога с читателем. Ее жанровые формы, сохраняющие традиционный жанровый канон, разработанный поэтами середины XIX века, до сих остаются наиболее удобными для представления авторского взгляда на мир. Для многих поэтов рубежа XX – XXI веков книга стихов является одним из главнейших способов самовыражения, демонстрации внутреннего духовного поиска.

Именно такой поэтической целостностью нам видится книга стихов Раисы Орловой «Письма странницы» (2014), куда вошли стихи и песни разных лет. Тяготение к плавному, напевному стиху – это отличительная особенность поэтики Р. Орловой. Музыкальная стихия становится сюжетообразующим стержнем книги. Автор во многом ориентируется на традиции народной лирической песни, главным поэтическим мотивом которой является воспевание любовного чувства («Заболела я тобой», «Падает снег на живые цветы», «Посади у окошка рябину», «Калинушка» и др.). Причем данный мотив в книге Орловой представлен многоаспектно. В первой части книги – это ожидание переживания «счастливого мига любви», томление и обретение счастья: «...Хочу покинуть жизнь привычную, / Уйти туда, где вишни спелые, / Где поцелуи неумелые. / Где нежность, словно песня новая. / Уйти туда давно готовая...» [8, 13]. Лирическая героиня, испытавшая счастье любви, меняет свой взгляд на мир. От молитвенного об-

ращения к Богородице, в которой она ищет помощи и утешения, защиты от суетной и грешной жизни («Пресвятая Богородица»), героиня приходит к ощущению душевного полета, рожденного чувством взаимной любви. Неслучайно образы птицы, полета, крыльев являются сквозными поэтическими образами книги стихов Р. Орловой. Любовь становится смыслом жизни лирической героини, во многом приближенной к образу самого автора («Люби меня такой, какая я есть», «Тебе...» и др.).

Однако душевная гармония нарушается чувством ревности, измены («Разбитое зеркало», «Милый мой, все мысли о тебе»). В данной части тональность книги меняется, появляется чувство тревоги, страха, желание освободиться от памятных моментов «былого счастья»: «Иероглифы чаек на берегу. / Эх, знать бы эту тайну, что дали песку! / Песчинкой свободной туда упаду, / Забуду печали, забуду тоску. / За синей рекой в Жигулевских горах / Забуду тебя, схирую вечный страх» [8, 51].

Кульминационной частью книги является лирический цикл «Письма странницы», расположенный в середине сборника. Он скрепляет воедино все многообразие мотивного комплекса поэтического сюжета, во многом объясняя характер душевных перипетий лирической героини. Название цикла неслучайно становится заголовочным комплексом книги. Духовный путь героини – это путь странницы, заблудившейся, грешной души. Актуализация данного цикла происходит как на содержательном, так и на формальном уровнях текста. Обращение к форме стихотворений в прозе, своеобразным лирическим миниатюрам, подчеркивает изменение в характере звучания лирического голоса героини. Напевная тональность сменяется внутренним драматическим диалогом, наполненным глубокой болью обнаженной женской души.

Цикл состоит из «одного разговора и семи неотправленных писем». Эпистолярный жанр вносит особую исповедальную тональность в звучание основного

лирического мотива. Это своего рода покаяние грешной, но любящей души: «Грешная я, батюшка. Каюсь во всех своих грехах вольных и невольных. И прошу у Бога нашего – Иисуса Христа прощения» [8, 67]. Жизнь без любви теряет смысл жизни. Сила ее любви огромна: «Если бы все мои слова, которыми заклинала-умоляла тебя о встрече, превратились в птиц, то ни одно дерево в нашем городе не осталось бы без песни, красивой, нежной, неповторимой и такой любимой» [8, 72]. Однако, несмотря на глубокую душевную боль, лирическая героиня остается независимой и гордой женщиной, которая смогла сказать главные слова: «Я слышу! Я живая! – я кричу в темноту. – И любовь моя жи-ва-я! Она живет, и будет жить, пока будет жить небо, под которым ходили с ним вдвоем, пока ветер будет помнить хотя бы одну строчку из моих стихотворений, пока не оборвалась нить желаний, хранимая в клубках-зрачках...» [8, 73].

Своеобразной развязкой поэтического сюжета являются последние стихотворения сборника, в которых звучит мотив любви к малой родине («Колопинские голоса» «Милая родина»). Именно она дает силы, лечит душевные раны, питает своими истоками душу заблудившейся странницы.

Определенный интерес с точки зрения жанровой специфики вызывают и новые сборники Жанны Тундавиной «Не сойти мне с выбранной параллели...» (2014), Камиля Тангалычева «Век жестяной» (2014), Петра Громова «Вне» (2014) и мн. др.

На общем фоне современной русской поэзии Мордовии выделяется и творчество Александра Шаронова, известного фольклориста, автора мордовского героического эпоса «Масторава». Профессиональная деятельность видного ученого Мордовии, всю жизнь занимающегося сбором и изучением эрзянского, мокшанского и русского фольклора, безусловно, наложила отпечаток и на его литературную деятельность, о чем ярко свидетельствует и одна из послед-

них книг писателя «Планета Эра» (2014).

Данное издание, безусловно, отражает общие тенденции, которые наметились в современной лиро-эпике Мордовии: мышление жанровыми формами книги как целостной художественной формой. Следует отметить, что и сам объем книги (544 стр.) подтверждает широту авторского взгляда на мир. Однако стоит заострить внимание на том, что значительное место в книге отводится не только стихам, но и прозе, что позволяет нам рассматривать «Планету Эру» как метажанровое явление.

На наш взгляд, проблема метажанра требует некоторого разъяснения, так как она пока еще не получила глубокого и полного осмысления в современном литературоведении. Особый интерес к ней возникает в конце 1970-х - начале 1980-х годов. Метажанр как литературоведческая категория становится объектом пристального внимания в работах Р.С. Спивак, Н.Л. Лейдермана, Е.Я. Бурлиной, Ю.С. Подлубновой и др. Данное понятие пока не вошло в терминологическую систему, поскольку не существует более или менее однозначного его толкования. Различные ученые определяют его основные дефиниции, отталкиваясь от научных интересов, разрабатываемых историко- и теоретико-литературных концепций. В связи с поставленной проблемой нами видится необходимым обозначение собственного взгляда на данное явление. По нашему мнению, метажанр представляет собой «сверхжанровое» или «наджанровое» образование, не вписывающееся в традиционную систему жанров. Данное понятие мы применяем к такому синтетическому образованию, как поэтическая книга (в широком ее понимании) и «итоговая» книга (как одна из разновидностей поэтической книги). Таким образом, метажанр – это синтетическое жанровое образование внеродовой направленности, сложная архитектура которого представляет ряд художественных текстов как целостную систему, отличающуюся единством авторского замысла, сюжета, цельностью персонального мира.

Именно таковой нами видится новая книга А. Шаронова «Планета Эра», где поэтические и прозаические тексты представляют собой художественное целое, элементы которого связываются не только именем автора, но и сюжетным единством, цельностью персонажного мира. Пожалуй, это одна из немногих поэтических книг, которая дает яркое представление о Мордовской земле, ее истории, культуре, мифологии. Данной книгой автор не только признается в любви к своему отчему краю, земле Эрзянии, но и мастерски воссоздает национальный характер эрзянского народа, неотделимой частью которого является и сам автор.

А. Шаронов тщательно продумывает композицию книги. Он избирает жанровый принцип деления: первая часть – это лирические стихи, вторая – поэмы и третья – это прозаическая часть, куда вошли рассказы, повести, сказания. То есть от субъективно-личностного восприятия мира автор переходит к объективно-сущностной оценке действительности. Причем внутри каждой части сознательно нарушается хронологический принцип расположения текстов, что актуализирует продуманность авторских микросюжетов.

Лирическая часть открывается стихотворениями, написанными в последние годы (2012-2013 гг.). Перед читателем предстает умудренный опытом лирический герой, которому есть что сказать современникам, который имеет право указать на несовершенство мира и человека. Большую часть лирического цикла составляют ранние стихи поэта, наполненные оптимизмом, открытым светлым взглядом на мир; в них ощущается легкость стиха С. Есенина, одного из любимых поэтов автора. Завершается цикл философской лирикой, в которой осмысливается жизненный путь человека, его представление о счастье, что позволяет открыться Вселенной поэта, показать историю его души.

С первых страниц книги воссоздается удивительный мир страны Эрзянии, где живут духовно богатые люди, которые,

несмотря на суетность и меркантильность современной жизни, не забывают свою историю, культуру, чтут традиции предков. Они осознают себя частью России: «На земле есть страна с непонятной судьбой. / Не такой, как везде, там стоит Белый Свет. / Все дороги на ней поросли трын-травой / И людей, что за счастьем бредут, на них нет. / <...> Мы Русь и Эрзя, / Неизбывный в любви высшим смыслом народ. / Мы Мессия, умом разгадать нас нельзя, / Только Бог, нас создавший, поймет» [9, 6].

Поэт во многом сродни древнерусскому певцу Бояну, воспевающему историческую родину («О, Эрзяния, Русь, ты, как Ноев ковчег», «Я обычай предков не нарушу», «Едет по Эрзяни Соловей Разбойник», «Шел Чам-Пас по эрзянской земле» и др.). Лирический герой не только чувствует кровную связь с этой удивительной землей, но и старается перенять мудрость и силу великих предков: «Я родился в эрзянской деревне, / Вырос я среди буртаских полей. / Там в семь лет себя иноком древним / Я почувствовал в мире людей. / Я услышал в себе гул веков, / Мне сказал мой таинственный предок: / «Ты с Пургаса великого слепок, / Вождь его громоносных полков. / Обойди ты свою Мастораву, / По эрзянской земле всей пройди. / И героев отважных найди, / Чтоб вернуть ей тыштянскую славу». / Я повесил на грудь медный рог, / Взял я в руки инязорский цётмар... / Возвратился я в Шокш и позвал / На беседу дух предков далеких. / «Нет больше эрзян светлооких, / Масторава пропала», – сказал. / Подо мной содрогнулась земля, / Из могил древних вырвался голос: / «Зарастут вновь хлебами поля, / Если есть на них хоть один колос» [9, 87].

От начальных до последних страниц первой части книги ведущей темой остается тема поэта и поэзии, которая в лирике А. Шаронова получает иное, отличное от классической интерпретации звучание. Поэт актуализирует мысль о главной миссии поэта-эрзянина: сохранить этнические корни, возродить интерес к национальному языку, культуре, традициям: «Я ныне в

Твери и в Ростове, / В Рязани, в Тамбове,
в Москве... / Но русское там мое слово /
И русский мой ум в голове. / Я Русью,
Эрзяния, стала. / Но в песнях былинных
жива. / Поет обо мне «Масторава», / Ее
вековечны слова. / Я с ней не исчезну, не
сгину. / <...> / Я жить буду в песнях былин-
ных. / Я в песнях! Вот всем мой ответ. / Ты
в песнях, сказаньях старинных / И в тех,
что поет твоей Поэт» [9, 24-25].

Отсюда и наполнение поэзии современ-
ного автора многочисленными голосами и
образами героев эрзяно-мокшанской ми-
фологии, фольклора. В пространстве поэ-
тических текстов А. Шаронова сосущест-
вуют языческие божества, национальные
герои, простые труженики Масторавы,
божественные лики сельских красавиц,
которые не только создают особую наци-
ональную атмосферу, но и свидетельствуют
об исторических, философских и научных
приоритетах поэта.

Сквозным образом поэтического сюже-
та книги является личность поэта – «оли-
цетворение самого автора, эрзянина-шок-
шинца, в котором «течет кровь славных
буртасов», который поклоняется светлым
эрзянским богам и верит в непреходящее
интеллектуальное и нравственное воздей-
ствие на потомков легендарного инязора
Тюштяна, являющегося национальным
символом народа» [10, 647]. Отсюда и час-
тая репрезентация личности автора, во
многом сориентированного на образ ле-
гандарного национального героя. Следует
признать, что поэт остается верен это-
му принципу в течение всего творческо-
го пути, о чем ярко свидетельствуют как
поздние, так и ранние стихи, наполненные
светлой лирической тональностью: «О,
я люблю Эрзянию мою / Под месяцем и
юным, и ущербным! / Я, как Пургас, гро-
за врагов неверных, / На страже красоты
ее стою. / Пришел на белый свет я из бы-
лин, / Где полон богатырской был отваги. /
Я вижу то, что рядом и вдали, / Ночных
небес разгадываю знаки. / На перекрестке
роковых дорог / Я выбираю путь туда ве-
дущий, / Где властвует Любовь, а правит

Бог, / Ипешкипаз эрзянский вездесущий. /
На крыльях мысли к небесам взойду / И,
обозрев с высот Эрзянский Мастор, / Я к
светоносной истине приду: / Как жизнь,
Эрзяния моя прекрасна» [9, 143].

Вторая, лиро-эпическая часть кни-
ги усиливает звучание основного лири-
ческого мотива. В нее вошли семь поэм
(«Сватовство Инешкипаза», «Канева
и Менелява», «Кудадей», «Текшонь»,
«Эрзянское царство», «Иван и жар-птица»
и «Поэт и шапка-невидимка»). В основе
данных произведений лежит авторская ин-
терпретация многих сюжетов эрзяно-мок-
шанской мифологии и фольклора, кото-
рые дают представление о зарождающей-
ся культуре, общественных отношениях,
обычаях и традициях эрзян и мокшан, их
борьбе за национальную независимость.
Поэту удалось великолепно передать миро-
воззренческую суть национальной жизни
мордовского народа, создать своего рода
представление о гармоничной должной
жизни современного человека, который се-
годня во многом утратил представление о
ней: «Радуется Инешкипаз, / Землю сверху
озирая: / Нет вражды в Эрзянском царстве; /
Человек на человека / Меч не точит, сло-
во-коршун / С уст свирепых не слетает, /
Души, как стрела не ранит, / Гневом их не
наполняет; / Царь Тюштян, как солнце све-
том, / Все умом своим объемлет, / О добре
и зле все знает; / Ходит он среди народа, / А
народ к нему приходит. / Скажет он народу
слово – / И народ его услышит» [9, 267].

Композиция третьей, прозаической час-
ти также направлена на решение подобной
задачи. Открывает этот цикл фантастиче-
ская повесть «Планета Эра», дающая на-
звание всей книге. В ней представлен фан-
тастический образ счастливого народа, ко-
торый живет в совершенной цивилизации
«на планете Эра в созвездии Ра». Именно
на такой планете могли бы жить идеальные
герои произведений «Кевбря», «Пуркай и
Софья», «Лунная девушка», «Сандра»,
«Тюштя» и др. Написанные в разных жан-
рах (легенда, сказка, анекдот, рассказ, фан-
тастическая повесть), все вместе они дают

яркое представление о портрете целого народа, обозначают пути формирования его национального образа и менталитета от легендарных времен древности до настоящих дней.

В свете последних политических событий, когда национальные распри и вражда приводят к многочисленным гражданским войнам, межнациональной ненависти книга А. Шаронова демонстрирует яркий пример возможности того, как «Соцветье многоликое племен / От Балтии до берегов Аляски / Живет в пространствах, где гуляют сказки, / Перемешав течение времен» [9, 86].

Проведенный анализ современной русской поэзии Мордовии, представленной наиболее яркими, на наш взгляд, сборниками стихов, вышедшими за последнее

десятилетие, свидетельствует о наличии серьезного потенциала и перспектив новых, нестандартных модификаций в традиционном поле современной лиро-эпике Мордовии, что позволяет предполагать реальную возможность дальнейшей эволюции ее крупных поэтических форм, в которых наиболее ярко проявляется многогранность внутреннего мира поэта. Значительный уровень развития русской поэзии Мордовии позволяет сделать вывод о позитивных качественных изменениях в литературе региона, произошедших в последнее время. Изучение подобного явления демонстрирует его значимость не только для общекультурного пространства республики, но и для всей истории русской литературы.

Литература

1. Гудкова С.П., Дубровская С.А. Слово в пространстве современной поэзии // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 520-522.
2. Федосеева Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Саранск, 2007. 42 с.
3. Гудкова С.П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 300 с.
4. Смородин К.В. Сумрак сосен, свет берез... Стихи. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. 270 с.
5. Осовский О.Е. Непростая простота. Страна, читающая «маслит» или не читающая вовсе? // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 46-69.
6. Громыхин А.А. Исповедуюсь тебе... Стихи. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. 127 с.
7. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М.М. Бахтина 1930-1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-1 (34). – С. 163-167.
8. Орлова Р.К. Письма странницы: стихотворения, песни. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2014. 104 с.
9. Шаронов А.М. Планета Эра: стихи, повести, рассказы. Саранск: МРО ОООП «Лит. фонд России», 2014. 544 с.
10. Шаронова Е.А. Книга А.М. Шаронова «На земле Инешкипаза» как метажанровое образование // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Статьи и материалы второй междунар. научн. конф. СПб.: Государственная полярная академия, 2010. С. 648-655.

References

1. Gudkova S.P., Dubrovskaya S.A. Slovo v prostranstve sovremennoj poezii // Vestnik Pyatigorskogo gos. lingv. un-ta. – 2010. – № 3. – S. – 520-522.
2. Fedoseeva E.A. Knizhnye formy mordovskogo geroicheskogo eposa: vzniknovenie i evolyuciya. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk. Saransk, 2007. 42 s.
3. Gudkova S.P. Sovremennaya russkaya poeziya (problematika, poetika, sud'by krupnykh zhanrovyykh form). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2010. 300 s.

4. Smorodin K.V. Sumrak sosen, svet berez... Stikhi. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2000. 270 s.
5. Osovskij O.E. Neprostay prostata. Strana, chitayushhaya «masslit» ili ne chitayushhaya vovse? // Voprosy literatury. – 2009. – № 3. – S. 46-69.
6. Gromykhin A.A. Ispoveduyus tebe... Stikhi. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2003. 127 s.
7. Osovskij O.E., Dubrovskaya S.A. Razrabotka koncepcii «smekhovogo slova» v trudakh M.M. Bakhtina 1930-1960-x gg. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – № 4-1 (34). – S. 163-167.
8. Orlova R.K. Pis'ma strannitsy: stikhotvoreniya, pesni. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2014. 104 s.
9. Sharonov A.M. Planeta Era: stikhi, povesti, rasskazy. Saransk: MRO OOO «Lit. fond Rossii», 2014. 544 s.
10. Sharonova E.A. Kniga A.M. Sharonova «Na zemle Ineshkipaza» kak metazhanrovoe obrazovanie // Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Stat'i i materialy vtoroj mezhdunar. nauchn. konf. SPb: Gosudarstvennaya polyarnaya akademiya, 2010. S. 648-65.